

Ромена Августова

Говори! Ты это можешь

Как развивать речь
ребенка и учить его читать,
особенно в «безнадежных»
случаях

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ромена Теодоровна Августова
Говори! Ты это можешь. Как
развивать речь ребенка и
учить его читать, особенно
в «безнадежных» случаях
Серия «Современная психология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7785796

Говори! Ты это можешь: Как развивать речь ребенка и учить его читать, особенно в «безнадежных» случаях: Олимп; Москва; 2015

ISBN 978-5-480-00210-2

Аннотация

Как научить ребенка говорить? Как помочь ему раскрыть свои способности и творческие задатки? Как правильно общаться с «трудными» детьми? На эти и многие другие вопросы отвечает эта книга. Ее автор – человек поистине уникальный. Ромена Теодоровна Августова – создатель единственной в своем роде методики обучения детей с синдромом Дауна. Благодаря этому педагогическому открытию дети с трудностями развития становятся личностями, думающими и способными к творчеству.

Содержание

Глаза души	5
От автора	10
Этот загадочный ребенок...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ромена Августова
Говори! Ты это можешь:
Как развивать речь
ребенка и учить его
читать, особенно в
«безнадежных» случаях

© Р. Т. Августова, 2015

© ООО «Издательство „Этерна“», оформление, 2015

Глаза души

«Этому знанию никто их не обучал, оно в их природе... Зрение особого рода, глаза души, которыми эти дети видят невидимое другим...»

О ком это? О каких детях?... О каких-то сверходаренных, о гениальных?...

Многие годы Ромена Теодоровна Августова занимается педагогикой речи. Она учит говорить детей, которые совсем говорить не умеют и которым говорить трудно из-за поражений мозга (при ДЦП, например) или тяжелых форм заикания.

Отдельную группу среди ее учеников составляют дети с синдромом Дауна, или, как их зовем меж собой мы, врачи, даунята.

Слово «даун» уже стало почти нарицательным для обозначения умственной отсталости. В каждой семье есть некая вероятность рождения такого ребенка, отмеченного перстом судьбы, так отмеченного, что это всем сразу видно: малый рост, нескладное, рыхлое тело, уплощенное монголоидное личико с маленькими узкими глазками. Ежегодно в стране их рождается более двух тысяч. Мутация, генетическое отклонение: одна лишняя хромосома в клетках как бы отдельная, особая порода внутри человечества. Раньше таких детей, валя в одну кучу с другими олигофренами, называли по-

просту идиотами. («Идиот» – буквально «иной», «чужой».) Мне тоже иногда приходилось с ними работать в психиатрических клиниках и диспансерах; не столько, правда, с ними, сколько с родителями, психологически их поддерживая. (Ведь рождение дауненка – огромная психотравма, удар, который не каждый выдерживает, особенно поначалу...) Когда смотришь ближе, видишь, что при одноприродности и кажущейся одинаковости даунята бывают разными, как и обычные, нормальные дети. Некоторые бормочут что-то нечленораздельное, производят странные телодвижения, почти ничего не понимают, пускают слюни. А другие по внешнему поведению близки к норме, общительны, разговорчивы.

Самое же характерное практически для всех – и очень отсталых, и относительно «продвинутых» – какая-то удивительная душевная аура. Даунята, как правило, совершенно неагрессивны и, хотя могут иногда быть беспокойными и суетливыми, всегда добры, благостны и потрясающе сопереживательны, резонансны. Помню, жил у нас в кафедральной психиатрической клинике Первого Московского мединститута «педагогический» дауненок Кеша, его держали главным образом для того, чтобы демонстрировать студентам. Милое создание, веселое, доверчивое и послушное. Очень любил помогать при раздаче пищи и уборке посуды. За фантастическую эмоциональную отзывчивость его называли «наш барометр» или «счетчик Гейгера». Много раз я видел, как Кеша, словно магнитом притянутый, оказывался около какого-ни-

будь больного, страдающего в данный момент особенно тяжело, и начинал страдать вместе с ним: плакал, стонал, терзался, метался... Уже за два-три часа до того, как у одного тяжелого эпилептика должен был начаться припадок, Кеша не отходил от него и проявлял признаки напряженности и беспокойства, тер себе левый висок. Как потом выяснилось при электроэнцефалограмме, эпилептический очаг у этого пациента находился именно в левой височной доле!..

На уровне чувств существа гениальные, даунята неполноценны по части интеллекта, это очевидно. Но вот нашелся наконец человек, доказавший, что и это не так или, скажем точнее, вовсе не так.

Открытие Ромены Августовой: доказательство и методическое обоснование того факта, что дети с синдромом Дауна педагогически не безнадежны, а только особо зависимы, сверхзависимы от того, *как* с ними занимаются, *как* их учат. Они обучаемы до уровня по крайней мере среднего образования. Их можно научить не только нормальной членораздельной речи, но и чтению, и письму, и арифметике, и многому другому. А главное – привить желание учиться и стремление к самосовершенствованию, как раз то самое человеческое из человеческого, что так часто, увы, убивает в зародыше наше так называемое воспитание и так называемая педагогика, превращающая в идиотов нормальных детей.

«На моих глазах происходило превращение безгласного существа в личность, в ребенка, которому все интересно, ко-

торый думает, рассуждает, читает, проявляя при этом удивительные настойчивость и терпение».

Это о них, о даунятах. Какой родитель не пожелал бы этого для своего ребенка, самого что ни на есть полноценного?...

Жан Ванье, великий подвижник нашего времени, создавший уникальное сообщество для жизни психически неполноценных и умственно отсталых детей и взрослых, сказал, что такие люди нужны человечеству, чтобы оно училось открывать в себе Бога, училось любви. Вернее не скажешь. И в этом же главный смысл того труда, который у вас в руках, дорогой читатель.

Ромена Августова не просто педагог от бога, умеющий то, что не умеют другие. Она учитель родителей, учитель учителей и, не побоюсь пафосности, именно учитель любви, настоящей любви к ребенку – зрячей и трезвой, без иллюзий и сантиментов. На каждой странице ее книги россыпи опыта, жемчужины мудрости. Написано ясно и ярко, захватывающе легко, так, как она ведет и свои занятия.

Это книга, которую стоит прочесть всем, у кого есть дети, и каждому, кто только еще собирается стать родителем, каждой матери и отцу. Каждому педагогу.

Каждому человеку.

ВЛАДИМИР ЛЕВИ,

доктор медицины и психологии, президент Фонда психо-

логической помощи

От автора

*Памяти моей матери
Ярославы Георгиевны Августовой,
большого друга маленьких детей*

В нашей стране в течение долгих лет дети с синдромом Дауна признавались необучаемыми. Это мнение было общепринятым, повсеместным и не подлежащим оспариванию, в том числе и в профессиональной среде. И если необходимость создания разнообразных методик по обучению детей-инвалидов всех прочих категорий ни у кого не вызывала сомнений, то для детей с синдромом Дауна это считалось бесполезным. Теперь, когда отношение к этим детям стало меняться, мы сталкиваемся с тем печальным обстоятельством, что в работе с ними как специалисты, так и родители вынуждены опираться только на зарубежный опыт. Но одна из самых тяжелых проблем детей с синдромом Дауна – задержка речевого развития. И совершенно очевидно, что ни одно практическое руководство зарубежных специалистов помочь в данном случае не может, ибо обучение языку невозможно без учета его конкретной специфики. Рекомендации в данном случае могут носить только общий характер. Оставляя в стороне орфоэпические особенности, назовем хотя бы немного из того, что делает русский язык

одним из самых трудных языков мира: сюда входит многообразие лексики, сложность словообразования, особенности предложно-падежной системы, огромное количество производных слов, подвижные ударения, богатство синтаксических моделей. Как правило, овладение даже элементарными навыками разговорной речи у детей с синдромом Дауна надолго запаздывает. Довольно часто люди с синдромом Дауна не говорят вовсе.

Если в Москве и Санкт-Петербурге специалисты начинают поворачиваться лицом к проблеме инвалидов, которые в течение долгого времени были лишены их внимания, то на огромных просторах России, вдали от центра, родители таких детей не получают никакой помощи и самостоятельно не только не в состоянии справиться с трудной задачей обучения детей родному языку, они не знают, с какой стороны к этому вообще подобраться.

На протяжении нескольких лет я занимаюсь с группой детей Московской ассоциации «Даун-синдром». Мною разработана методика развития речи, а также методика обучения чтению детей с синдромом Дауна, первую из которых я подробно излагаю в этой, адресованной родителям книге. По такой же методике занимались дети с диагнозами «гидроцефалия», «олигофрения» и «детский церебральный паралич»: все трое попали ко мне случайно, и у всех троих был один и тот же результат – они научились говорить и читать.

Опыт моей работы убеждает меня в том, что возможности

детей с синдромом Дауна не ограничены узким кругом бытовой лексики, навыками элементарного самообслуживания и овладения каким-нибудь несложным делом наподобие изготовления прищепок. Способность к росту и развитию интеллекта у них безусловно шире, чем это принято считать.

Но проблема заключается не только в отсутствии разработанных методик обучения детей с синдромом Дауна. Родители этих детей тоже должны учиться. Воспитывать ребенка вообще непростая задача. А в данном случае мать и отец растят малыша, к которому не всякий специалист знает, как подступиться. Тем более что мать и отец это люди, психике которых нанесен тяжелейший удар...

Когда женщине сообщают, что у нее родился ребенок с синдромом Дауна, она испытывает потрясение, от которого уже никогда не сможет оправиться. Можно загнать боль внутрь, можно привыкнуть ко всему, но ни одна мать не сможет забыть слов, которыми иной врач, представитель самой гуманной в мире профессии, приветствует появление такого ребенка на свет: «Он никогда вам сознательно не улыбнется, он будет лежать, пуская пузыри, говорить он никогда не будет». И все в таком роде.

Женщине, которая девять месяцев ожидала чуда, со всех сторон внушают, что вместо чуда родила она «не ребенка, не лягушку, а неведому зверюшку». Далее ее и малыша ожидают косые взгляды на улице, на детской площадке, в метро, где она услышит что-нибудь вроде «Нарожали от алкоголи-

ков, а теперь мучают себя и других».

Не всем, далеко не всем дано осознание того, что любая человеческая жизнь это то, что дано нам свыше и что требует не просто уважения. Великий немецкий гуманист Альберт Швейцер писал о *преклонении* перед жизнью.

Где оно, это преклонение?

Не просто жалость должны вызывать инвалиды, а глубокое сострадание и изначальное понимание того, что все мы равны перед Богом.

Я адресую эту книгу тем родителям, которые, не перекладывая свой крест на чужие плечи, мужественно борются за достойную жизнь, свою и ребенка. Тем специалистам врачам, педагогам, воспитателям, медсестрам, нянечкам специальных детских учреждений, которые вместе с такими родителями сражаются с косностью, жестокостью, эгоизмом, профессиональным невежеством, все силы души отдавая выполнению своего долга.

Усилия эти бесполезны. По предлагаемой мной методике ребята приступают к занятиям в 2,5–3 года. Уже через год словарный запас ученика оказывается вполне достаточным для построения фразовой речи на начальном уровне. К 4–5-летнему возрасту постановка звуков оказывается почти полностью завершенной, а речь ребенка включает значительный по объему словарь. К этому времени дети уже достаточно свободно выражают свои мысли, вводят в свою речь развернутые соподчиненные предложения. Речь их обогаща-

ются литературными оборотами, они фантазируют, без труда воспроизводят подробности воображаемых ситуаций, ведут меж собой диалоги воображаемых персонажей. Их устные импровизации свидетельствуют о том, что развитие образного мышления и способности к абстрагированию, так же как у нормальных детей, тесно связаны у них именно с развитием речи. Параллельно с этим трех-, четырехлетние дети учатся читать и не только не отстают в этом от своих нормальных сверстников, но, я бы даже сказала, опережают их.

Я особенно подчеркиваю неделимость и одновременность процесса овладения активным словарем с овладением пространственными, временными и прочими понятиями, способностью к абстрагированию и обобщению, с повышением уровня представлений от примитивных до все более и более сложных. Настойчивое внимание чистоте произношения уделяется и в дальнейшем, по мере овладения ребенком развернутыми речевыми конструкциями.

Помимо изложения этой методики в книгу включены также рекомендации, которые, как я надеюсь, помогут родителям в решении некоторых проблем, связанных с коррекцией поведения ребенка. Ибо быть родителем еще не значит быть педагогом. Действия самих родителей нуждаются в коррекции. Кроме распространенных ошибок они допускают ошибки, типичные для данного случая. Болезненно воспринимая реакцию посторонних на неправильное поведение ребенка, родители зачастую не замечают того, что сами от-

носятся к нему как к *неспособному* *понять*. Они либо заслоняют его собой, защищая непроницаемой стеной от окружающего мира, который представляется им сугубо враждебным, либо допускают по отношению к ребенку нетерпеливое и грубое насилие. Они недооценивают возможности, скрытые в их детях, а порой и не догадываются о них.

И если я обращаюсь к многолетнему опыту работы также и с нормальными детьми, то только потому, что уверена: принципы воспитания нормального ребенка и ребенка с синдромом Дауна едины. К вопросу о воспитании в ребенке с синдромом Дауна усидчивости, целеустремленного внимания, сосредоточенности, вообще умения себя вести, без которых обучение невозможно в принципе, мы не раз обратимся в этой книге. Эти качества прививаются исподволь, обусловлены интересом к делу и воздействием личности педагога, который должен быть для ребенка, во-первых, непрекращаемым авторитетом и, во-вторых, близким и любимым человеком.

«Научите моего ребенка говорить!» – сколько раз мне приходилось слышать эту фразу. Но научить говорить это еще не все. Нормальный ребенок совершенно свободно разговаривает иной раз уже в три года. Разве мы ставим точку? Разве на этом заканчивается его развитие? Сколько предстоит еще понять, узнать, усвоить! Весь вопрос в том, *что* будет говорить ваш ребенок, когда научится это делать.

Оле 22 года. Говорит она совершенно чисто. Она приехала

из Петербурга, и я спрашиваю ее: «А что такое Петербург?» – «Река в Москве», – отвечает Оля.

А вот группа взрослых людей с синдромом Дауна: 16 лет, 28 лет, 34 года, 38 лет. Они сидят, ждут начала репетиции самодеятельного театра. Все они окончили школу, все говорят кто лучше, кто хуже. Они не задают друг другу вопросов, не делятся впечатлениями от увиденного по телевизору фильма, не обсуждают своих проблем. Со своими домашними они общаются на бытовом уровне, за этими пределами начинаются незнакомые миры, неохваченные пространства, непаханная целина.

Однако за их замкнутостью, за отчуждением от постороннего, равнодушного и зачастую враждебного взгляда скрыто своеобразие их собственного мира. Мира людей, остающихся детьми, в котором непредубежденный человек может многое, очень многое открыть для себя.

Так какие же они на самом деле? Каким путем вести ребенка с синдромом Дауна? На что можно рассчитывать? Чего ожидать?

Этот загадочный ребенок...

*...Но есть еще на свете
У нас чудесные друзья,
Которым имя «дети».*

На первый взгляд Сережа производит довольно-таки безотрадное впечатление. Рот постоянно открыт, язык изо рта вываливается, лицо – застывшая маска. Ему 9 лет, он не говорит ни слова.

Что же обнаруживается при более близком знакомстве? Тоже, казалось бы, ничего обнадеживающего. Он непослушен и упрям. В детском саду под Екатеринбургом его не держали ни часа: мальчик казался неуправляемым, какое бы то ни было педагогическое воздействие – невозможным и неосуществимым.

Сережа пришел на урок в сопровождении мамы. Первым делом он хватает стоящую в коридоре лыжную палку и старается сбить со шкафа футляр со скрипкой. Наши уговоры на него не действуют. В конце концов я нахожу выход – ставлю на проигрыватель пластинку.

Мальчик преображается. Все то время, что звучит скрипичный концерт Паганини, он имитирует игру скрипача: в одной руке у него «скрипка», в другой – «смычок», кото-

рым он якобы водит по струнам. Руки у Сережи необыкновенно пластичные, взгляд осмыслен, глубок, серьезен. Со-всем-совсем недетский взгляд.

Музыка замолкает, скрипач раскланивается, концерт окончен.

Рассматриваем картинки в книге. Стол уставлен яствами. Три ведьмы угощаются вином и жареной дичью. И Сережа заводит громкую песню. Ну как же, застолье!

Следующая картинка. Ласточки образовали хоровод в небе, слева и справа фигуры музыкантов. И снова, «взяв скрипку», Сережа кружится по комнате – прямо-таки Иоганн Штраус!

Еще один «музыкант». Стоя перед воображаемым оркестром, Алеша листает воображаемую партитуру, дает оркестру вступление, затем останавливает музыкантов. Глядя в несуществующие ноты, о чем-то сосредоточенно думает, тихонько постукивая несуществующей дирижерской палочкой, и снова взмахивает руками. Все оттенки звука от мощного форте до тишайшего пиано подвластны его дирижерскому жесту. Духовая группа! Энергичнее, черт бы вас побрал! Скрипачи, трепетнее, нежнее!

Сыграли. Движением обеих рук Алеша поднимает оркестр, кланяется, повернувшись лицом к публике.

Где он это видел? Алеша живет в небольшом городке Читинской области, телевизионного канала «Культура» еще не существовало, когда они с мамой приезжали в Москву на за-

нтия.

Во всех подробностях воспроизводит он действия работника дорожной милиции. Свисток. Милиционер жезлом остановил мою машину, приказал подъехать к тротуару. Козырнул, заглянул в окошечко. Приходится выбираться из кабины, предъявлять права. Надев наручники, меня ведут в отделение: очевидно, я уже не просто нарушитель правил дорожного движения, а опасный преступник. Стою, упершись двумя руками в дверцу шкафа, пока меня по всем правилам обыскивают. Перед тем как писать протокол, милиционер, подпершись рукой, задумчиво и с укоризной долго смотрит на меня: дескать, докатился? Что будем делать?

Пятилетний Сима изображает Деда Мороза. Взвалив на спину свой пакет с книгами, кряхтя и согнувшись в три погибели, он ходит по комнате и затем удаляется, положив пакет на диван. «Сима, ты свой пакет забыл», – я не сразу соображаю, что он ничего не забыл, он оставил нам мешок с подарками.

Ни Сережа, ни Алеша, ни Сима не говорили ни слова, но разве им откажешь в наблюдательности? В московском детском саду, который наряду с нормальными детьми посещают дети с синдромом Дауна, за Симой приходится следить особо, ибо он проявляет чудеса изобретательности, забираясь в самые труднодоступные места: его приходилось вытаскивать из раковины, в которой он возлежал, поливая себя водой из крана, снимать с подоконников. Дважды, несмотря

на неусыпный надзор, ему удавалось выскользнуть на улицу, где его подбирала милиция. А вот он пытается влезть на шкаф. Попытка кажется мне безнадежной. «Залезет! Вот увидите!» – уверенно говорит его мама.

Поведение ребенка с синдромом Дауна очень часто хаотично, неорганизовано, это очень импульсивные дети. Конечно, встречаются и вполне покладистые, послушные малыши, но поговорим сначала не о «мямликах», а о «шустриках».

Итак, «шустрики». Очень беспокойный народ!

Что-то просят, упрямо и настойчиво. Не успеешь дать – интерес уже потерян. Куда-то лезут, что попало хватают, хлопают дверцей шкафа, крутят и вертят все, что можно крутить и вертеть.

С непостижимой быстротой 6-летний Коля, Коля-ураган, успевал выдернуть шнур из розетки, наступить ногой на упавшие на пол часы, сбегать на кухню и сжечь на плите пластмассовый фонарик: копоть и дым взвились до потолка. Он уже в пальто и шапке, слава богу, на этот раз ничего не сломал. Нет, ворвался в комнату, хватает со стола очки. Тресь! Сломано. Успел-таки! Не расслабляйтесь.

Натерпелась я от этого Коли! И тем не менее по прошествии некоторого времени Колю можно было почти безбоязненно оставить наедине с очками, часами, проигрывателем. «Читаем. Пишем», – подбадривая себя этими словами, Коля усердно складывал карточки со слогами, составляя из них

слова, и исписывал волнистыми линиями целые страницы.

Родители такого ребенка находятся в вечном напряжении, их нервная система испытывает колоссальную нагрузку. «Не трогай! Уронишь! Разобьешь! Положи на место! Да не хватай ты! Куда лезешь?» Бац по затылку! Шлеп по руке! Хлоп по спине!

Стукнули по рукам, вырвали, оттолкнули, оттащили. Добиваетесь вы этим только одного: в следующий раз ребенок постарается опередить вас, еще быстрее, еще ловчее схватить, швырнуть, стукнуть.

Он ничего не осознал, ничего не понял. Почему не брать? Почему положить? Объяснений никаких, нельзя – и все! Улучив момент, он повторит свои действия, будьте уверены.

Ребенок должен научиться вас *слышать*. Обдумать, понять, усвоить: почему нельзя? почему можно? Для этого требуется время и совсем не требуются пространные объяснения, длительные нравоучения, изнурительная нотация.

Вы боитесь, что он разобьет чашку, уронит тарелку? «Чем кошку гнать, лучше рыбу убрать» – пусть все, что малыш может разбить или испортить, находится вне пределов его досягаемости. Но самое лучшее – учить его обращаться со всем тем, что может сломаться, разбиться, пролиться и т. д.

Если вы не приучите его крепко держать, осторожно нести, вам еще долго придется как огня бояться любой его инициативы.

У меня в комнате на очень неудобном месте стоит дере-

вянная вазочка, в ней карандаши, ручки, игрушечные веник и метла. Детям они постоянно нужны. Достают они их сами. Ни один из них не опрокинет вазочку, хотя добраться до полки, на которой она находится, и затем осторожно извлечь карандаш или метелку задача непростая.

Перспектива лазить за рассыпавшимися карандашами под стол, выметать их из-под дивана и шкафа отнюдь не казалась мне привлекательной. Тем не менее я терпеливо приучала детей, добираясь до вазочки, соизмерять свои движения, не натываясь на преграды, двигаться в ограниченном пространстве.

«Дай копьё!» – первым делом требует 5-летний Ваня, входя в комнату. Копьё – это лыжная палка без колечка, стоящая в углу. «Зачем тебе?» – «Дракона убить».

Копьё Ваня ненадолго получает. Однако он должен умудриться ничего не задеть своим оружием. Я не думаю, что в ближайшее время он научится ловко фехтовать. Но это лишний повод к тому, чтобы Ваня осмотрелся вокруг, постарался орудовать палкой как можно осторожнее, прислушался к тому, что ему говорят.

«Проигрыватель трогать нельзя!» – настойчиво повторяю я и всякий раз жду, когда ребенок уберет руки *сам*.

Если ребенок бросает что-то на пол, а чаще всего он делает это нарочно, прекрасно зная, что бросать нельзя, я неотступно требую, чтобы он поднял то, что бросил. Бросать можно шишки из ведра. Это пожалуйста. «Раззудись, плечо,

размахнись, рука» как можно дальше! Бросай, нагибайся и собирай.

Приношу из кухни два ножа: нож с острым лезвием и маленький тупой ножичек с красной рукояткой.

«Какой ужасный нож! Острый! Ни в коем случае не бери! Порежешься до крови! Опасно! А вот это будет наш с тобой ножичек. Смотри, не острый, тупой совсем (*провожаю по лезвию пальцем*). Всегда будем резать этим ножом».

Сравнение проводим не один раз. И затем: «Пойди на кухню, открой ящик, принеси ножичек». Ребенок уже не схватит то, что не надо.

Безусловно, мы всегда должны быть начеку. Но присмотритесь к ситуации, на самом ли деле так уж необходимо всякий раз подавлять инициативу ребенка, ограничивая свободу его действий?

Если ребенок тянется к чему-то, что привлекает его ярким цветом, новизной и т. д., это вполне естественно. Я отвожу его руки: «Скажи: можно?» *Не от случая к случаю, а всегда, до тех пор, пока он не научится спрашивать позволения.* Это, помимо всего прочего, приучает его сдерживать свое желание, притормаживает непосредственный импульс. Кошелек, очки, ключи я намеренно держу на столе – это то, что брать *нельзя*. «Вы не оставляйте ключ в дверце шкафа, а то, пока мы одеваемся, Алеша может его вытащить», – просит Алешина мама. Да я его нарочно там держу! И ключ этот уже три года служит великим соблазном, но *нельзя*. Ребята

твёрдо знают: нельзя вытаскивать.

Если малыш того и гляди стукнет палкой по телевизору, полезет на подоконник открытого окна, протянет руки, чтобы схватить ручку кастрюли, в которой кипит вода, в таком случае вы, конечно, должны действовать незамедлительно. Но если ваше дитя желает приобщиться к полезному труду – убрать в раковину грязную посуду, накрыть на стол, полить цветы, самостоятельно одеться, – такой порыв всегда нужно поощрять, как бы вам ни хотелось сделать все самим да побыстрее.

Не делайте за ребенка то, что он мог бы сделать сам, постепенно и постоянно обучайте тому, с чем он самостоятельно пока не справляется.

Еще не было случая, чтобы, придя с ребенком в первый раз на занятия, родители не тащили бы за ним пакет с книжками, тапочками, игрушками. Разве он не в состоянии сам это сделать?

В комнату входит крошечный, хрупкий, прямо-таки фарфоровый мальчик Коля. Это не Коля-ураган, сметавший все на своем пути. Это Коля, прозванный у нас «лунным Пьеро» за свой меланхолический характер и пристрастие к спокойной, тихой, печальной музыке, ее он слушает с удовольствием. Коля держит перед собой солидный пакет. «Что там у тебя?» – «Имущество. Учебники». Коля аккуратно выкладывает «имущество» на стол: книги, тетради, сундучок с карточками.

Ни один из детей, ни Коля, ни Ваня, ни Гриша, не уйдет домой, не собрав самостоятельно книги, карандаши, ручки, линейку, не положив в мешочек тапочки, платочек. Они никогда ничего не забывают, не схватят впопыхах чужую тетрадь, не перепутают свои карточки с чужими.

Особой аккуратностью отличается Саркис, он педантичен до невероятности. Все должно находиться на своем месте. Правда, собирая свои учебники, он не прочь прихватить дополнительно машинку, еще чью-то книжку и вообще все то, что может ему в дальнейшем пригодиться, но с этим мы легко справляемся.

Вашему ребенку, с его хаотичностью и внутренней неорганизованностью, с нарушением ориентации, порядок, определенная последовательность ритуалов, привычка все класть на место и в нужном месте потом находить совершенно необходимы. Усвоенные в детстве навыки сохраняются на всю жизнь. «Обучающий ребенка пишет на камне, обучающий взрослого пишет на песке», – гласит восточная мудрость.

Устойчивое душевное равновесие во многом зависит от того, что мы видим вокруг себя. Вспомните, как организуют нашу внутреннюю жизнь гармония и красота внешнего мира, как благотворно действует на нас природа, как упорядочивают наше душевное состояние музыка, архитектура и порядок в окружающей среде. И как, напротив, скверно нам делается, если вокруг хаос, грязь и ералаш.

Очень важно выработать в семье общие принципы, еди-

ную систему воспитания, в которую каждый ее член вносит что-то свое, индивидуальное, личное – соответственно темпераменту, возрасту, характеру.

Но, подчеркиваю, принцип должен быть единым. Если вы приучаете ребенка складывать игрушки в ящик, а кто-то делает это за него, то этот кто-то разрушает то полезное, что вы создаете.

Какое отдохновение получает один хорошо знакомый мне мальчик, придя в гости к бабушке! Какой простор для кипучей деятельности! Ему позволено выдвинуть из комода все до единого ящики, вытащить из них белье и разбросать его по всей комнате. Развлекайся как твоей душеньке угодно!

Не лучше ли приучить мальчика белье складывать: в одну стопочку маечки, в другую носочки, в третью платки. И сосредоточился, и без дела не сидит. А вот еще занятие – из кучки мелких предметов выбираем и сортируем английские булавки, гвоздики, скрепки, пуговицы, винтики.

Когда, несмотря на огромное противодействие родных и врачей, мать забирает ребенка с синдромом Дауна домой, ее побуждает к этому великий материнский инстинкт. На первых порах родители готовы сделать все возможное, принести любые жертвы, чтобы выходить, вырастить, воспитать малыша. Они ищут врачей, учителей, массажисток, приобретают аминокислоты, лечат лазерным лучом – что еще существует на свете?

Но проходит время – и энтузиазм угасает. Ребенок растет, родители привязываются к нему все больше и больше. Мать и отец убеждаются в том, что их дитя – славное, милое существо, что они любят его таким, какой он есть, и будут любить всегда: говорящего, неговорящего, агрессивного, спокойного, красивого и некрасивого. Будут любить. Более того – обожать. Привыкнут к тому, что у ребенка синдром Дауна.

Родители охлаждаются к занятиям, все реже и реже появляются на уроках. Жизнь идет своим чередом – работа, праздники, друзья. Все как у людей. Ребенок, правда, болеет часто, ну да кто из детей не болеет? А вот и братик появился. Или сестричка. Все не так уж плохо, хотя, конечно, трудно.

Но ребенок не игрушка. Наряжая его, балуя, покупая ему игрушки, любя его всей душой, нельзя забывать о том, что он человек, что он будет взрослым. Окружающая его жизнь отнюдь не оранжерея, и вы не сможете вечно заслонять его собою. Все, что вы не сделаете сегодня, когда вы молоды и здоровы, скажется впоследствии, отразится и на вас, и на вашем ребенке.

Если 13-летнему парню мать, нагнувшись, зашнуровывает ботинки, это непростительно. Неужели за столько лет его нельзя было научить делать это самостоятельно? Так быстрее – надо бежать, дел куча. И сколько лет этого мальчика будут одевать, обувать и снаряжать? А ведь мальчиком он будет не всегда.

Родителям этого подростка очень хотелось бы, чтобы все

уладилось, но – само собой, без усилий. Хорошо бы найти волшебника, который совершил бы мгновенное чудо. Раз – и ребенок заговорил. Два – и вот он уже читает. Три – ботинки зашнуровал. Но чуда не происходит. Чтобы летать, надо крыльями махать. Для того чтобы оно совершилось, надо работать – настойчиво, упорно, в течение очень длительного времени.

Если ваш ребенок неаккуратен, не в состоянии себя обслужить, виноваты в этом вы, и только вы. Не хватает терпения, делаем все сами. Экономим время.

Ничего вы таким образом не сэкономите. Подумайте о том, сколько лет вам предстоит убирать за ним, собирать его вещи, вновь и вновь делать одно и то же, на что уже нет сил и действительно нет времени. Вы сложили – он разбросал. Он разбросал – вы складываете. Заколдованный круг. Сизифов труд. Авгиевы конюшни.

На урок ребенок приходит с мамой. Они раздеваются, я еще не успела их толком разглядеть, но с самого начала могу довольно уверенно сказать, будет ли эта мама моим помощником. Если я слышу тихий, спокойный, уверенный голос, которым мать направляет действия своего малыша, – можно надеяться на сотрудничество. Если из передней доносится лихорадочная возня, в голосе матери – напряженные интонации человека, который вот-вот сорвется, если ребенок вертится и крутится, хватает в передней то одно, то другое, залезает на стул и хлопает руками по зеркалу – вряд ли что-

то получится. А вот слышится не прерываемое ни на секунду мерное бормотание, нескончаемое жужжание, нотация, к которой ребенок ни на секунду не прислушивается, ибо она стала постоянным фоном, чем-то вроде обоев, на которые смотришь бог знает сколько времени – и все-таки не можешь вспомнить, какой же узор на них нарисован. Тоже сомнительный вариант.

Точно так же, если, приведя ребенка на занятия, мать, расположившись в кресле или сидя в отдалении на стуле, дремлет, вяжет, листает журнал или читает прихваченный из дому детектив, – толку не будет. Она поручила своего малыша заботам педагога, и ее совершенно не интересует, как вы собираетесь с ним заниматься. Она взяла на себя труд поить, кормить и одевать ребенка, обеспечивая ему физическое существование. Ей легче примириться с тем, что ребенок у нее несмышлениш, чем совершать усилия по его воспитанию и развитию.

Есть еще одна категория – родители-теоретики. Эти часами могут обсуждать различные системы: то они слышали о каком-то необыкновенном обучающем аппарате, то о великоколепных результатах чудо-педагога, живущего где-нибудь за океаном. Они пробуют то одно, то другое, ни на чем подолгу не задерживаясь. Достижения других детей они относят не на счет кропотливого труда и подвижничества, а на счет особой исключительности преуспевшего ребенка, у которого между тем тот же синдром Дауна, что и у их малыша.

Как правило, такие родители заядлые спорщики. И своего ребенка они постоянно критикуют: он и ленивый, и агрессивный, и головка-то у него – поглядите! – маленькая или, наоборот, большая при тщедушном теле, он вообще не такой, как все, – но попробуйте, шутки ради, согласиться с матерью в том, что да, действительно ее ребенок похуже других!

Вместо того чтобы наговорить на рубль, лучше сделать что-то на копейку. Маленькое чудо совершается на каждом уроке – но критически настроенная мать этого не замечает или ей этого недостаточно. Нетерпение мешает ей оценить пусть не такое быстрое, как ей хотелось бы, продвижение ребенка на его трудном пути. Ее не увлекает *процесс*, ей нужен *конечный результат* – и как можно скорее. Она донимает педагогов бесконечными «когда?». Когда ребенок заговорит, когда он начнет читать, когда он научится что-то делать сам?

...
Рост ребенка, его развитие нельзя подогнать насильно. Мы поливаем дерево, взрыхляем вокруг него почву, удобряем, уничтожаем вредителей. Но разве нам придет в голову тянуть его за вершину, чтобы оно скорее росло? А разве мы раскрываем бутон у распускающегося цветка? Природа делает это за нас, природа определяет срок вызревания плодов. Природа вложила в растения таинственную энергию роста.

Исключите слово «когда» из своего лексикона! «Когда» наступит само собой, и наступление его целиком зависит от

того, что вы делаете сегодня, сейчас, в данный момент.

Ибо какие бы героические усилия ни совершал педагог, как бы он ни был добросовестен и талантлив – без активной родительской помощи ему не справиться. Все навыки, требующие наработки автоматизма, нуждаются в упорной тренировке, и если ваш ребенок лишь два раза в неделю на уроке отрабатывает произношение звуков, слогов, слов, то хорошего результата можно и не дожидаться. Все, что делается от случая к случаю, не оставляет прочных следов. Вспомните тренировки спортсменов, каждодневные многочасовые упражнения музыкантов. А репетиции артистов цирка?

Добиться виртуозности в любом деле – значит добиться автоматизма, доведенного до совершенства. Не говоря уже о том, сколь многого не знает ваш малыш по сравнению с нормальным ребенком того же возраста, сколько приходится наверстывать, преодолевая этот разрыв.

Да и кроме того – педагог ведь тоже совершает маленькие и большие открытия на уроках: их подсказывает ему поведение ребенка, его реакция на ситуацию, которая может никогда уже не возникнуть. Постоянство усилий – залог успеха. Урок не состоялся – и что-то может быть утеряно навсегда.

«Я мог бы многое услышать в мире, если бы сам поменьше шумел...» Присмотритесь и прислушайтесь к тому, что говорит ваш ребенок, к тому, что на первый взгляд кажется вам несущественным и малозначащим. К его реакции на ва-

ши слова и действия. К собственным его побуждениям.

Как часто, *не умея ни видеть, ни слышать*, мы пропускаем то, что может послужить зерном для дальнейшего роста, стать ключом к разгадке многих секретов. Мы привыкли к своей роли ведущих, мы все знаем, мы – взрослые. Мы всегда правы, мы – образец для подражания. Главное действующее лицо – это мы сами.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколь многого мы требуем от ребенка и как мало – от самих себя? «Дети ведь все разные», – со вздохом говорит мне мама неуспевающего ученика. Такого рода жалобы мне приходилось слышать неоднократно – и ни разу не довелось услышать от родителей, что разные не столько дети, сколько они сами.

Ребенок у нас и ленивый, и рассеянный, и упрямый, и неаккуратный. А мы сами? Часто ли взрослые совершают над собой усилие, стараясь исправить собственные недостатки? Мы давным-давно примирились с ними. Мало того, желаем, чтобы окружающие принимали нас такими, какие мы есть, нравится им это или нет. Но что касается детей – о, это совсем другое дело! Тут мы бескомпромиссны. Ругаем, требуем, наказываем. А ведь часто ребенок ленив потому, что родителям *лень приучать его к труду*, неряшлив потому, что дом вверх дном, упрям... – а сами-то мы признаем свои ошибки? Легко соглашаемся с чужим мнением? Ребенок забыл все, о чем говорилось на занятиях? Но ведь это папа с мамой, развлекаясь на даче у друзей, пропустили с ним два

последних урока и теперь наспех, в последнюю минуту, стараются втиснуть в его голову то, что было задано в расчете на несколько дней. «Я сам!» – кричит ребенок, он непременно хочет самостоятельно снять ботинки, но мать решительно отстраняет его: не времени у нее нет – нет терпенья. Опоздав на пол-урока, злимся, что в оставшиеся полчаса ребенок не может втянуться в работу, ибо, стараясь все-таки уложиться в это время, педагог спешит, нервничает и тоже не дает ему спокойно подумать.

И так далее и тому подобное. Упиваемся собственной речью, без конца поучаем, многословно, многоречиво, подавляя несогласие, протест, инициативу. У ребенка нет права голоса. Наши «беседы» с ним, особенно в конфликтных ситуациях, – это всегда наш монолог и почти никогда – диалог. Наши обвинительные речи в случае конфликта затягиваются до бесконечности. Моря и океаны слов – никому не нужное красноречие. На все лады ребенку повторяют одно и то же, взывая к его совести, разуму, чувству ответственности и тому подобным абстрактным понятиям. Вот и бабушка подключилась, вмешалась тетя. Семейный хор, многоголосие, в котором ребенок не выделяет самостоятельных партий. То главное, на что вы хотели обратить его внимание, утонуло в словесном потоке. И с чего, собственно, все началось? Сами-то вы помните?

Разговаривать с ребенком, выяснять с ним отношения лучше без посторонней помощи. *Tête-a-tête*, как говорят

французы. Вы не успеваете завести с ребенком разговор, как целый сонм заинтересованных лиц вмешивается в вашу с ним беседу, на все лады варьируя ваш вопрос, замечание и т. п. Вы хотите быть авторитетом для ребенка, хотите, чтобы он воспринимал сказанное вами? Тогда зачем нужны переводчики?

Вас должно быть двое, только двое. Ребенок реагирует не только на слова, он реагирует также на взгляд, интонации вашего голоса, мимику, жесты, паузы. И если вас слишком много, если, как глухому, все разом кричат ему каждый свое, ничего этого он не улавливает. Контакт между вами потерян.

Заметьте, насколько авторитетнее для ребенка замечания отцов. Мужчины, как правило, не столь многословны, их требования лаконичны, и мыслью по древу они в большинстве случаев не растекаются.

Чтобы речь была выразительной, доходчивой и убедительной, она должна быть краткой. Не мешайте друг другу. Не будьте многословны. Вспомните: разве опытные, пожилые педагоги бывают многоречивы? Никогда.

Я вела занятия на втором этаже небольшого детского клуба. Уроки окончились, и я спустилась вниз. В гардеробе одевались ребята 9-10 лет. Они вышли из кинозала. Никто не рвался в бой, чтобы первым получить свое пальто, не молотил приятеля по голове портфелем, не кричал петухом, не скатывался по перилам. Тишина была абсолютной. Среди детей незыблемо возвышалась пожилая учительница. Тихим

голосом она направляла поток в нужное русло. «Сколько же здесь классов?» – поинтересовалась я. «Три». Три класса! Около ста человек! И никто не издал ни единого звука! А ведь среди детей наверняка находились сорвиголовы, от которых горькими слезами плакала вся школа.

«Фиона! Сегодня ты хорошо занималась. Но если, выйдя в коридор, ты ляжешь на пол, будешь колотить ногами, выхватишь ключ из шкафа, высунешь язык и скажешь мне „кака“, в следующий раз никакого чая с вареньем ты не получишь», – я говорю это очень серьезно, глядя девочке в глаза, впечатывая в ее сознание каждое слово.

Обычно отдаленные перспективы для детей не существуют, но я стараюсь, чтобы Фиона поняла – *так и будет*. «И Витя тебя не будет любить. И к тете Ире на дачу мы не поедем – кому нужна такая плохая девочка?» – подключается мама.

А вот это уже лишнее – сколько бед на одну голову! Достаточно того, что не будет чая с вареньем. Фиона живет далеко, и после урока перед дальней дорогой она всякий раз подкрепляется чем бог послал. Угощение нехитрое, но обязательное. И Фиона знает, что я говорю всерьез. Рука ее тянется к ключу. Я молчу, не сводя с нее глаз. Нет, не взяла. Дверь за Фионой тихо закрывается. Никаких эксцессов.

Авторитет родителей и педагогов... Если он не завоеван с самого начала, очень трудно поставить отношения на другие рельсы. Возможно, вы не умеете сдерживать себя, когда сле-

дует сдержаться, уступаете, когда уступать нельзя, вы непоследовательны, настроение у вас часто меняется, вашу реакцию трудно предугадать. Вы живой человек, вас одолевает множество забот, помимо ребенка с синдромом Дауна в семье есть еще дети, которые тоже требуют внимания. Все время контролировать себя невозможно. И вообще вам трудно. Трудно быть педагогом все двадцать четыре часа в сутки. Ибо педагог – это ведь не просто тот, кто учит читать и писать. И все-таки, как сказал замечательный учитель Шаталов, «любите детей педагогической любовью». Учитесь быть педагогом.

Кто пользуется у детей авторитетом? Чьи команды и просьбы они беспрекословно выполняют? Вспомните дворовые игры, внутришкольную иерархию ребят. Кто у них лидер? Сильный, независимый, отнюдь не сентиментальный парень. По возрасту он старший, он командует, ему охотно подчиняются. Дети гордятся тем, что он достаивает их своей дружбой.

Для ребенка с синдромом Дауна не существует системы ценностей, которой придается значение в коллективе нормальных детей. Хорошая успеваемость, физическая сила, симпатичная внешность – они не способны вынести всему этому оценку, им незнакомо соперничество, желание выдвинуться на первый план. Очень рано, к сожалению, приходит к ним осознание своей неполноценности, но они не анали-

зируют причин и принимают это как данность. Как правило, силою обстоятельств они очень привязаны к родителям, целиком от них зависят. Но авторитетны для такого ребенка, тем не менее, не всякий папа и не всякая мама.

Для того чтобы быть для ребенка непререкаемым авторитетом, надо стать ему настоящим другом – в том смысле, который вкладывают в это понятие дети. Не каждый это может. Если вы присядете на две минуты, чтобы снизойти до игры в куклы или постройке теремка из кубиков, два-три раза прокатите по полу машинку, ребенок совершенно справедливо воспримет это как мимолетный интерес к его делам, в мире его фантазий вы случайный гость, не более того. Да и играть-то он не умеет, ваш ребенок. Вы никогда его этому не научите, если сами *не умеете играть*. Он слоняется за вами и канючит, либо рвет бумагу в углу, либо отрывает обои, а может, бесцельно роется в каком-нибудь ящике, который вы по недосмотру оставили открытым.

Множеству взрослых людей мир маленького ребенка, его характер, его интересы совершенно чужды – до тех пор, пока не появится собственный забавный малыш. Но и тогда мир этот кажется им несерьезным, кукольным, а сами дети хоть и людьми, но какими-то не совсем еще настоящими. Занятный, милый, но – маленький. Настоящие отношения, дружба – это все впереди, позже, когда подрастет. «Вот тогда на рыбалку вместе ходим. А сейчас – какая дружба? Мне 32, ему 4», – сказал мне папа одного маленького мальчика. Этот

папа страшно увлекался жизнью муравьев – что, конечно, вполне оправданно. Он любил ребенка, но о муравьях мог рассказать гораздо больше, чем о собственном сыне. Этот папа, увы, не был рожден педагогом!

Настоящему педагогу интересно читать детские книги, интересно смотреть детские фильмы, интересно играть в детские игры. И какое счастье, когда папа и мама еще и друзья, когда ребенок ощущает их как людей, с которыми у него возникают отношения более высокого уровня, чем просто родственная – пусть даже самая горячая – привязанность.

Как хорошо, когда мы всё – интересное и неинтересное – делаем *вместе*. Восхищаемся вместе, удивляемся вместе, напуганы происходящим на экране вместе. Так, и только так, вы станете другом своему малышу. Вы – свой, такой же, и при этом располагаете тем неоценимым достоинством, что вы – старше, опытнее, можете все объяснить, на вас можно положиться.

«Никого!» – говорит Вера и плотно закрывает дверь в комнату, когда я прихожу к ней заниматься. Никто больше не нужен. Как гласит английская пословица, «наилучшую компанию составляют двое». «Это ко мне», – на ходу бросает 5-летний Ваня К., беря меня за руку. Мы проходим с ним в соседнюю комнату мимо маминых и папиных гостей, сидящих за столом. Взрослый человек приходит не к папе и не к маме, а к нему. Приходит не в качестве только учителя, а в качестве друга – вы представляете, что это значит для ре-

бенка, в особенности если это ребенок с синдромом Дауна?

Сидя под накрытым ватными одеялами столом, я зимовала за полярным кругом, опускалась на дно морское в батискафе, ловила акул и китов. Какой уют, хоть и суровый, царил в нашей с Женей «палатке»: фонарик, спальный мешок, книги, оружие на стенах! В наших планах намечался поход в пески необозримой пустыни. Придя домой, я бросилась вытаскивать полосатые шнурки из всех кроссовок – желтые с черным, голубые с оранжевым... Прекрасные получатся змеи!

Этого Женю я один раз, по предварительной с ним договоренности, ударила. Он имел обыкновение посреди урока ни с того ни с сего набрасываться на меня сзади, запуская ногти мне в шею, либо хватал меня за руки, оставляя ногтями саднящие ссадины.

«Женя! – сказала я ему. – Твои припадки мне надоели. Есть такие люди – называются они истериками, – которым приходится во время приступа дать хорошую пощечину. И в следующий раз я это сделаю».

Мы сидели на нашем обычном рабочем месте под столом, накрытым одеялами, и читали книгу, когда Женя, заскрипев зубами, впился в меня мертвой хваткой. «Мы договорились», – сказала я и довольно-таки сильно хлопнула его по щеке. «Только не уходить!» – быстро ответил мне Женя. И как ни в чем не бывало мы продолжили чтение, не обменявшись больше ни единым словом по поводу инцидента.

Прошло минут сорок – и приступ повторился. «Скорее, скорее, дайте мне что-нибудь! Дайте газету!» – завопил Женя, дико озираясь. Я сунула ему газету, он вцепился в нее зубами и ногтями, разорвал пополам, сунул клочок под подушку. «Это на ужин», – сказал он. Больше Женя меня не царапал.

Если бы я ударила Женю в сердцах, он не простил бы мне этого никогда. Наши занятия пришлось бы просто прекратить. Никто не смел не только шлепнуть – пальцем его коснуться. Никто и никогда не мог навязать Жене свою волю. Когда 7-летний Женя выходил из своего подъезда и, не глядя ни направо, ни налево, шел по двору, направляясь «посмотреть памятник Чайковскому» – худенький, темноглазый, – старушки с собачками, дети, строившие теремки, разбегались во все стороны. Он не был избалован. Он просто был создан таким. Не хулиган, нет – маленький диктатор, Наполеон.

Женя въезжал на урок на сервировочном столике. Он лежал на нижнем подносе и греб руками. Либо влезал на шведскую стенку, хватался за канаты и кольца и, вися вниз головой, уверял, что заниматься можно и в таком положении. «У меня никогда не было такого ученика», – сказала я Жениной бабушке. «У вас? Ни у кого в мире не было такого ученика!»

У Жени не было синдрома Дауна, он очень сильно заикался. Но разве не ясно, что этот мальчик, талантливый виолончелист (сейчас он учится в лондонской Академии музыки),

стоил десяти самых агрессивных детей с синдромом? И все-таки мы были друзьями, очень большими друзьями.

«Не хочешь заниматься? Иди домой!» – широким жестом я указываю на дверь. Ну нет! Ни за что! Лучше уж сделать над собой усилие, постараться, а то и вправду придется уйти.

Ребенок уступает требованиям не потому, что боится возмездия, – «мама будет ругать». Такое следствие его неблагоприятных поступков – опять-таки отдаленное – пока что не приходит ему в голову. Он сделает все что угодно, выполнит любую просьбу по другой, гораздо более важной причине – если ему интересно общение с педагогом, если он чувствует в нем друга, без которого уже не может обойтись. Ваша задача – стать для него и другом, и товарищем, и учителем.

Однако дружеские отношения складываются не сразу. Поначалу ребенку могут быть глубоко безразличны и требования педагога, и сам педагог, а уж папу с мамой он давно закабалил, несмотря на всю их строгость.

Где та грань, которую нельзя переходить в своих требованиях? Иногда упрямство ребенка приобретает такие формы, что приходится уступать. Как уступить, но так, чтобы ребенок понял, что ваша уступка отнюдь не проявление слабости и вовсе не означает его победы? Что-то упало – подними. Разбросал – собери. В крайнем случае – «смотри, я, так и быть, подниму и соберу вместо тебя, окажу тебе дружескую услугу. Но уж в следующий раз будь добр сам собирай».

Что же тут нового? И спрашивать вы его не один раз учи-

ли, и убирать после себя заставляли, и даже посуду два раза он вместе с бабушкой мыл. Но спросите самих себя – всегда ли?

Если вы намерены выработать у ребенка полезные навыки и привычки, то делать это должны всякий раз, напоминать неукоснительно, постоянно. Только спросив разрешения, он может взять что-то, ему не принадлежащее. И если ему придется самому выгребать веником карандаши из-под дивана, то, проделав это несколько раз, он перестанет их туда заталкивать: к чему испытывать такие мучения? Что он, враг самому себе?

Нам приходится иной раз решительно потребовать от ребенка дисциплины и усердия, случается даже прикрикнуть на него. Иногда он и в самом деле нуждается в некоторой встряске, которая вывела бы его из оцепенения, заставила встрепенуться, собраться. Но пусть ваша вспышка будет всего только хорошо разыгранным спектаклем. Не позволяйте себе, потеряв терпение, обрушить на малыша раздражение от собственного бессилия. Ребенок не виноват в том, что он не совсем такой, как другие дети. Не забывайте его поощрять. Ему это нужно как воздух.

Ребенка надо принимать всерьез. Давайте уважать его личность и права. Он хоть и маленький, но человек со своими желаниями и нежеланиями, сейчас у него одно настроение, через минуту – другое. Точно так же, как и вы, он может без всяких видимых причин плохо себя чувствовать и не

быть расположенным к занятиям. Ваше и его самочувствие и настроение могут не совпадать. Вам хочется одного, ему – другого.

Вот мать с малышом вышли на прогулку. Ребенок заинтересовался бабочкой, цветком, вот жук ползет, а вон подъемный кран работает, рабочие яму копают. Да, вы остановились и посмотрели с ним, как строится дом, но посмотрели и – хватит. Малыш стоит, уходить не хочет, вы тянете его за руку: «Пойдем!» И, собственно говоря, почему? – только потому, что *вам надоело*, все это вы и так сто раз видели – и бабочку, и цветок, и экскаватор.

Не лезь в траву, чего ты уставился на этого жука, сколько можно его разглядывать, не ходи туда, иди сюда, туда иди, куда я иду... Почему? Отчего? – мать и сама очень часто не знает. Вы же гуляете, дышите свежим воздухом, домой вы не торопитесь – дайте ему возможность делать то, что он хочет.

Незримая цепь протянута между вами и ребенком. Главное – чтоб слушался приказа. Короче поводок! К ноге!

Все это делается по привычке, по внушенному себе убеждению, что родители должны командовать, а ребенок подчиняться. Почаще спрашивайте себя – всегда ли ваши запреты «нельзя», «не туда», «не лезь», «не так» имеют смысл? Может, все-таки можно? Может быть, сделать так, как он хочет? Постоять, подождать, выработать общее мнение, согласованный маршрут? Не надо запретов просто так, на всякий случай, пусть все, что можно, будет *можно*. Тогда ваш ре-

бенок твердо усвоит: если вы сказали «нельзя», значит, и в самом деле *нельзя*.

«Иди скорей сюда! Смотри, какая интересная игрушка! Дергаешь за ниточку – курочка клюет зернышки. Ну-ка дерни! Ну дерни, дерни, потяни за веревочку!»

Ребенок почему-то дергать не хочет, и ярко раскрашенная курочка не вызывает у него восторга. Матери досадно – такая симпатичная курочка!

Не надо настаивать. Ничего не навязывайте. Вам игрушка нравится, а ему почему-то нет. Лучше сядьте рядом и займитесь курочкой сами, ни слова не говоря. Понаблюдайте за ребенком. Вот он смотрит искоса – заинтересовался. Протянул руку, дернул. *Сам*.

Не надо тащить ребенка в круг своих интересов, лучше потихоньку войдите в *его* мир и, завоевав доверие, став своим в этом мире, расширяйте его границы, раздвигайте их – осторожно, незаметно. Мы не любим навязывания, принуждения – почему ребенок должен их любить?

Безусловно, в большинстве своем родители знают своего ребенка и достаточно тонко чувствуют и понимают проявления его характера, его настроения, склонности и интересы. И все-таки постоянно оттачивайте и совершенствуйте свое чутье!

Увы, многими, очень многими родителями воспитание понимается как осуществление безраздельной власти над ребенком, своего права сильного. Но этого невозможно до-

стичь в принципе (разве только вы превратите своего сына или дочь в безгласных рабов) – отсюда стычки, ссоры, конфликты.

Личность можно воспитать, только если ребенок свободен, – разумеется, в правильном смысле этого слова. Если он имеет право выразить свое желание или нежелание, если вы не тащите его на веревке против его воли, а сумели убедить, что поступать надо так, а не иначе. Безусловно, речь идет не о той свободе, когда, ничем не стесняемый, ребенок растет как трава в поле.

Если ваш ребенок, уже одевшись, чтобы идти домой, зашел в углу и, сколько вы ни бьетесь, как ни пытаетесь уговорить его выбраться оттуда, делать этого не хочет – все решается очень просто. Берете за руки, за ноги и без лишних слов вытаскиваете его на свет божий. В этом сидении искать смысла не приходится, и потакать упрямцу не будем. Все, что делается из упрямства, назло, подлежит немедленному и энергичному запрету, здесь вы никоим образом не ущемляете его прав и не нарушаете законов дружбы.

Ваня К. пришел ко мне в 2,5 года. Мама и папа, которым было по 18 лет, когда он родился, выдержали колоссальную борьбу с главврачом родильного дома, настаивавшей на том, чтобы они отказались от ребенка с синдромом Дауна. «Вы что, не понимаете? Это мой сын!» – крикнул отец и, красный как свекла, выскочил из кабинета не просто хлопнув, а треснув дверью. Тогда главврач взялась за бабушку. «Они

не смогут вырастить и воспитать такого ребенка», – сказала главврач. «Ну что ж, тогда я воспитаю», – ответила бабушка.

Очаровательный Ванечка – моя слабость. Бездна обаяния. С первого взгляда сердце мое растаяло раз и навсегда – и очень хорошо он это ощутил и усвоил.

Упершись лбом в стенку, Ваня стоял в темном коридоре, одетый в крошечную дубленку и такую же шапку с козырьком. «Ванечка, пойдем в комнату». – «Не-е». – «Нуними шапочку». – «Не-е». Присаживаюсь на корточки: «Ванюша, там игрушек сколько! Машинки маленькие, трактор». Круглый голубой глаз на мгновение выглядывает из-под низко надвинутой шапки: «Не-е».

Роли наши распределились так, что инициатором и затейником всегда был Ваня. То он желал наливать воду в тазик – наливаем, выливаем, то пересыпал горох из банки в банку, то затевал прятки. Мы выдвигали ящики кухонного стола, крутили ручку у мясорубки, пускали зеркалом солнечных зайчиков. Я старалась извлечь из заданной Ваней ситуации что-то нужное для занятий. Перейти на другой тон, взять на себя руководство мне очень долго не удавалось:

непривычно строгую интонацию Ваня воспринимал – и до сих пор воспринимает – как оскорбление.

Мать с ребенком в первый раз приходят на занятия к логопеду, дефектологу, в детский сад, просто в гости к друзьям. И начинается: «Как тебя зовут, деточка?» – «Игорек», – от-

вечает за ребенка мама. «Игоречек! Какое хорошее имя! Игоречек, а как твою обезьянку мохнатенькую зовут? А маму? А папу? Давай ручку, пойдем со мной. Сколько деток! Сколько игрушек! Мы Игорька не обидим, он у нас умница, будет с детками играть». Мама: «Тетя добрая! Не бойся, дай ручку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.